

18+ Криминская

на
д
е
с
т
н
и
ч
н
о
й

Исповеди

площадке

Зоя Криминская
Исповеди на лестничной
площадке

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58860061
ISBN 9785005147974*

Аннотация

В книгу включены повесть, описывающая жизнь людей, проживающих под одной крышей в подъезде стандартного пятиэтажного панельного дома в Подмосковном городе в 80-х годах прошлого века и до наших дней, жизнь разнообразную и часто трагическую, и несколько рассказов, действие которых происходит как в нашей стране, так и в Соединенных штатах.

Содержание

Исповеди на лестничной площадке	5
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Исповеди на лестничной площадке

Зоя Криминская

© Зоя Криминская, 2020

ISBN 978-5-0051-4797-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все персонажи вымышленные,
Некоторые события происходили в реальности,
но в другом месте и с другими людьми

Исповеди на лестничной площадке

*Мгновенной жатвой поколенья,
Восходят, зреют и падут;
Другие им вослед идут...*
А. С. Пушкин

Панельные девятиэтажные дома, построенные в семидесятых годах прошедшего столетия. Шестиподъездные, толстые, всего в два окна их ширина с торца, а подъездов шесть, и ни одной арки, позволяющей не обходить дом. Здания далеко разнесены один от другого, между ними гуляет солнце и ветер. Нет двориков, замкнутого пространства, отделяющего дворы от простора улиц и вся жизнь на виду. Архитектурную монотонность строений кое-где разнообразят керамические плитки: то розовой покроют эти костяшки домино, застывшие на ребре, то голубой или зеленой. Бедность, единообразие, социализм.

Но жители не замечают безликой скуки спальных районов, лишенных уютного городского пейзажа, одинаковых во всех городах страны, и яростно мечтают получить квартиру в таком доме, выехать из коммуналки, из полуразвалившегося собственного дома или из тесноты и склок жизни в одной квартире с родителями.

Заселившись, жильцы видоизменяют облик домов: застекляют лоджии, красят рамы в разные цвета, закрываются от любопытных глаз пестрыми шторами и тюлем, развешивают на балконах бельё и выставляют на подоконники горшки с цветами, помечая границы своего личного существования: мы вот такие, мы здесь живем!

И совершив всё это, начинают на просторах выданной им в пожизненное пользование, выстраданной квартиры, новую, в мечтах счастливую жизнь. Строят восхитительные воздушные замки в скучных домах архитектуры второй по-

ловины 20-го века. И замки эти обрушиваются чаще, значительно чаще, чем воплощаются в жизнь. Впрочем, трезвые рациональные люди и замков не строят, а живут себе и живут изо дня в день, довольствуясь той долей, которая досталась им от века прихотью природы, человеческого общества или по воле бога, как смиренно считают верующие.

Течет в панельных домах пестрая, многоликая, разноцветная жизнь, контрастируя своей пестротой с монотонностью окружающей эту жизнь архитектуры. Жизнь то грустная, то веселая, то трагическая в своей неизменности и неизбежности смертей и рождений.

1

Наш девятиэтажный, голубой и белой плиткой облицованный дом выстроен в бывшем яблоневоm саду, и первые годы был окружен плодоносящими яблонями. Шесть подъездов, девять этажей, на каждой площадке по четыре квартиры. Тридцать шесть квартир в каждом подъезде. Целая деревня.

Тридцать лет живу здесь, а всех соседей по подъезду не узнаю в лицо. На своей площадке знакома со всеми, знаю семью подо мной и надо мной. Первых я заливала не раз, вторые заливали меня. Кто на первом живет, их чаще видишь, примелькались, а там как придется: знаю кого-то с пятого, с девятого.

Да и люди меняются, динамика после девяностых боль-

шая: кто-то приехал, кто-то уехал, выбыли в соседний дом, в другой микрорайон, или на кладбище. Дети выросли, народили ещё детей, за тридцать лет и те выросли, и снова кому армия, кому отсрочка, кто в институт, кто в техникум, или замуж, кто вниз, кто вверх, каждому своя дорога в жизни.

Сменились надписи на стенах, (не все), имена девушек, которым объясняются в любви, выросли высокие клены под окнами, и даже соседский страшный дом – серый с грязными унылыми разводами, и тот вдруг преобразился: тридцать лет стоял, как бомж, а теперь бледно-зеленый с белым, и темно-зелеными стали балконы. Тридцать лет солнце каждый вечер заходит за этим домом и, когда спрячется, дом уходит в темноту, и его черный силуэт на фоне полыхающего неба уже не оскверняет, вернее, не осквернял глаз до самого расвета.

Наш дом должен был быть готов в 74-ом году, а сдали его в 79-ом.

Сдавали по одному подъезду, воровство донимало: только успеют доделать один подъезд, перейти на другой, глядишь – в первом и окон и дверей нет, умыкнули предприимчивые граждане на дачи или в квартиры: что-то обновить, украсить, переделать.

Пришлось сдавать дом не целиком, а по одному подъезду, и каждый после сдачи заколачивали.

Мы въехали в последний подъезд ещё без ордера. Лифт не работал, и газа не было. Был только водопровод, но мы

сочли, что жить с неудобствами на своей квартире лучше, чем платить за съёмную.

И обнаружили во всём подъезде только наших непосредственных соседей, через стенку. В четырехкомнатной квартире поселилась большая семья: старшие, Никита Степанович с Марией Ивановной, их дочь Лена, с мужем Игорем и мальчиком Колей шести месяцев от роду.

Никита Степанович вставлял замок, когда мы таскали на седьмой этаж шмотки. Таскали на себе, лифт ещё не включили.

Мы поздоровались, познакомились, и так началось наше долгое сожительство дверь в дверь.

Дом сдали, ордера выписали и вниз, у подъезда поставили две лавочки: одну широкую, из планок, при входе направо, а напротив неё узкую, из одной доски, простую крашеную лавочку.

2

Я попросила у него спички. Никак сейчас не могу вспомнить, почему я попросила у него спички, забыла, и не хотела подниматься? А зачем были мне нужны они, эти спички? На природу собрались, мясо жарить? Он кинул мне их, ловко так бросил, прямо в руки, я поймала и сказала:

– Я вам верну коробок...

– Не надо, я дарю вам их.

И жест такой широкий насмешливый над самим собой: вот мол, возвращать не надо, могу и подарить и насмешка в том, что подарок мизерный.

Карие глаза его сверкнули на лице, я увидела их блеск вскользь, уже разворачиваясь, чтобы уйти, и тут же подумала, что раньше, он, конечно, нравился женщинам, и был не промах по этой части. Я была рада, что находилась к нему спиной в тот момент, когда подумала, а если бы глаза в глаза, он мог бы прочесть мои мысли и понять, что жалею его, а ему, я это в тот же момент поняла, жалость была, как нож в сердце.

Я не знаю, когда и где он лишился ноги. Кто-то из соседей говорил мне, что произошло это при жизни в новом доме, но я его здоровым, при двух ногах, не помнила, а узнавать стала, только когда он с костылями обосновался на лавочке. На той, что слева, узенькой лавочке. И всегда на ней сидел, на широкую не перемещался. Как ни идёшь, он сидит, курит, нога стоит на земле, а другой нет. Сидел-сидел и вдруг исчез.

Наталья, соседка из квартиры подо мной, говорит:

– А Толя, сосед наш с первого этажа, тот, что безногий, бросил жену, ушел. Нашел себе такую же калеку, одноногую женщину, и живет с ней. Мне, говорит, так лучше, я перед ней не стыжусь, что у меня одна нога.

Бросил он жену, и долго его не было, а потом снова по-

являлся, примерно в течение полугода мелькал, попадался на глаза. Снова ушел и в скорости умер. А жена больше замуж не вышла, одна жила, детей растила. И сейчас возле лифта часто стоит молодой парень, лицом один к одному как отец, курит. Только отец приветливее был, всегда здоровался, а этот нет.

3

Одноногий сидел на лавочке слева, а на другой растекалась телесами толстая старуха, Антонина. Не столько она лицом выглядела старухой, сколько из-за своих необъятных размеров. Килограммов сто двадцать в ней было, не меньше.

Она взяла на себя функции швейцара и выполняла их с завидным рвением: следила за тем, кто вошел, кто вышел, и всё гоняла мальчишек, кричала, что они катаются на лифте.

Накричала и на нашего Сашку.

– Он не катается, – я случайно присутствовала и заступилась за сына, – он тут живет и домой едет.

– Да не живет он здесь.

– Как не живет? Он мой сын!

Старуха поглядела недоверчиво, но замолчала. «За своим бы следила», подумала я недовольно.

Внук её, Мишенька, на год моложе Сашки, озорной был мальчик, но ласковый, подсаживался к ней на лавочку, прижимался к необъятному боку и они сидели, обнявшись. Обнимая внука одной рукой, тающая от нежности Антонина не прекращала полицейского надзора, любовь и долг она умело совмещала.

Дочь у Антонины, Катерина, крупная, страдающая, как и мать, излишней полнотой, работала по торговой части, мальчишка был у неё один, сыночек ненаглядный, а вот мужчину в их доме я не помню, не было мужчин, только две грузные, темноволосые, похожие одна на другую женщины, молодая и старая, и тоненький голубоглазый мальчишка, задира и драчун.

Не любили его мальчишки во дворе, в основном за скандальную бабку и не любили.

Однажды иду с работы домой, (сейчас и не вспомнить,

в каком году, за тридцать лет год на год накладывается, не разберешь, что когда было), зима, снег лежит сугробами, на снегу разбросаны ветки еловые. Дорожка зеленая ведет к нашему подъезду. Кого-то похоронили, и оказалось, Антонину. Она страдала диабетом, потому, возможно, и была такой полной. Умерла она быстро, от комы, долго не лежала, дочь свою не мучила, в одночасье ушла.

Опустела лавочка, и притих подъезд, грустью отзывается на окружающих неожиданная смерть ближнего. Скучно стало и как-то опасливо, теперь любой чужой мог пройти, за всегдатой другой лавочки к тому времени ушел из семьи.

Миша подростком остался без бабки, без надзору, не больше двенадцати лет ему было, самый опасный возраст. Целыми днями болтался во дворе, летом футбол, зимой хоккей у подъезда на проезжей части, но машин тогда мало было, штук пять-шесть на весь дом.

Когда подрос, Катерина ему мотоцикл купила. В те времена, кто в торговле работал, хорошо жили (не могу сказать, зарабатывали), она могла купить сыну мотоцикл, вот и купила. Порадовала сыночка на свою голову. И на его тоже. Мишке семнадцать стукнуло, в этом возрасте они без тормозов, гоняют на своих мотоциклах на огромной скорости и сам черт им не брат. Полгода не прошло, как он попал в аварию, и страшную аварию, ноги у него были перебиты, и долго он лежал в травматологии. Как-то, когда мы в лифте вместе ехали, у неё были такие усталые, затравленные глаза,

что нехорошо, неудобно мне стало. Я спросила её, не случилось ли что-нибудь, почему у неё взгляд горестный. Тогда она мне и поведала, что из больницы домой добирается, Миша разбился на мотоцикле.

Михаил вернулся на костылях, на лице шрам появился небольшой, но не уродовал его. Ковылял он на костылях месяца три-четыре, потом с палочкой ходил, а вот и без ничего, не прихрамывая, стал передвигаться.

И с виду всё было нормально, казалось, боль и страхи остались в прошлом, но только на поверхностный соседский взгляд всё выглядело нормально, а на самом деле Миша, мучаясь болями, пристрастился к наркотикам. Это мне Лена рассказала, что Михаил к наркотикам пристрастился. Мы одновременно с работы вернулись, и пока двери ключами открывали, она свою, я свою, тут парой слов и перекинулись.

В армию Мишу не взяли, один сын у матери, немолодой, безмужней, а может лучше бы в армию, к наркоте бы там не привык. Года три-четыре это длилось, он с мутным взглядом, пошатываясь, входил в лифт, я даже трусила с ним ездить, а тут смотрю, он с девушкой ходит, взгляд чистый, ясный, и мне говорят, завязал Миша, женился, работает, живут дружно, всё хорошо.

Порадовалась я за Катерину. Ну, вот думаю, глядишь, скоро внуки пойдут. Но недолго дружно жили молодые, рецидив начался у Михаила, вернулся он к зелью этому проклятому, и девочка, худенькая такая, глаза зеленые, шея тонкая,

она ушла, да и понятно, какой смысл с наркоманом жить? Его не вытащишь, а себя погубишь.

Михаил быстро покатился по наклонной вниз, я только раз его видела после того, как жена ушла, и вид у него был столь удручающий, что я зажмурилась и отвернулась: не выглядел он человеком, который ещё долго будет на этой земле топтаться.

Передозировка случилась с ним, когда Катерина только-только из больницы вышла после инфаркта. Две недели не прошло, после её сердечного приступа, как сын умер. Она только и смогла, что его похоронить, выдержала, а потом в больницу, и через десять дней после смерти сына и её не стало.

Опустела квартира.

В других за эти годы народу прибавилось, тесно жить стало, а вот у них опустела. Катерину и хоронить-то было некому.

4

Шел второй день, как Катерине разрешили вставать после вторичного инфаркта, и она медленно, неуверенной качающейся походкой, доползала до туалета.

Жизнь её теперь заключалась в этих утомительных вылазках до конца коридора и обратно, осторожно передвигая ноги, держась за стенку. Зато не надо было подсовывать под неё утку. Хоть и похудела Катерина за последние недели, но весила всё равно много, за 100 кг, и нянечкам, даже вдвоем, тяжело было приподнимать такую тушу. Катерина, стараясь помочь, бесполезно пыталась приподнять тело над кроватью, стыдясь, что из-за неё такие неудобства немолодым женщинам, получающим гроши, мучилась, хоть и совала в карманы их белых халатов купюры разного достоинства: ну да все

совали, а не все были такие грузные.

Возвращаясь из туалета, она остановилась, оперлась рукой на подоконник, и посмотрела наружу. За стеклом был веселый зеленый мир, спала в тени отцветшего сиреневого куста рыжая беспородная собачонка Шарик, которую прикармливало всё отделение, и Катерина тоже, но не сейчас, а в тот первый раз, когда её быстро вытащили с того света. «Лучше бы я тогда умерла», думала она, «умерла бы первая, до Миши».

Из-за куста выскочил невысокий худенький мальчик, стриженный, со светлыми волосами, в белых шортах и синей футболке. Шарик подскочил и загавкал, испуганный и рассерженный неожиданным вторжением в его мирную дрему. Мальчик отпрянул назад, и поднял кисти рук, как бы отстраняя собаку от себя.

Посадкой головы, цветом волос и этим неожиданным жестом рук он напомнил Катерине Мишу в его шесть лет. Это был один к одному Миша, маленький мальчик, который давно вырос, а теперь его даже на свете не было. Острая боль резко ударила Катерину в сердце, ноги стали ватными и она начала оседать у окна, медленно, потом быстрее, и упала, резко стукнувшись головой об пол.

«Нехорошо как, что я здесь умерла», подумала она. «Как меня поднимать-то будут? И напугаю всех». Это была её последняя мысль. Через секунду она замерла, устремив в давно не беленый потолок больничного коридора невидящие глаза.

Его коротко остриженная деформированная вытянутая голова, давшая ему прозвище «овал», наводила на мысль о кабачке. Челюсть слегка выдавалась вперед, а задранный нос был вечно сопливым.

Тихоня, он вечно стоял в стороне, пока его не позовут, а звали редко. Общался с ним только Мишка, который жил с ним на одной лестничной площадке и они ходили в один класс несколько лет, пока Димку не оставили на второй год.

Мать Димки была совершенно испитая женщина, но не приниженная своим пьянством, тихая и незаметная, а агрессивная, крикливая и склочная, и никто во дворе с ней не связывался, даже боевая Антонина, страж порядка, замолкала, когда та драла свою пьяную глотку возле подъезда.

Жили Димка с матерью в двухкомнатной квартире, а отец отсутствовал.

В наше послевоенное детство безотцовщина была обычным понятным явлением: мужчин перебили на войне, но и сейчас, без всякой войны, я наблюдала в соседских семьях отсутствие мужчин, одни женщины и дети. От этого создавалось впечатление, что где-то есть места, где скопилось множество мужчин, отцов и мужей, иначе ничем невозможно было объяснить дефицит мужского пола в нашем подъезде.

Димка рос неприсмотренным заморышем, с головой, похожей на кабачок, но серые глаза его с некрасивого лица смотрели на мир спокойно и беззлобно. Он никогда не смеялся, но и плачущим я видела его только один раз, Мишка обидел.

Мишка, тот рос задирой и драчуном, и доносчиком. Задирался к старшим мальчикам, а когда они пускали в ход кулаки, чтобы от него отвязаться, тут же бежал жаловаться Антонине, благо бежать было недалеко, вот она бабушка, всегда на лавочке возле дома, большая и надежная.

Мишка жаловался громко, на весь двор, домашний избалованный мальчишка, а Димка молчал, плакаться ему было некому, мать разозлится и его же поколотит, и он, привыкший полагаться только на себя, уже с восьми лет деловито шарил по карманам валяющихся пьяных, а в семнадцать загремел в колонию за воровство. Когда вернулся, мать жива была, но от водки быстро убралась в могилу. Димка остался один.

Взрослым я его совсем не помню, просто не представляю. Встречала, наверное, сталкивалась в подъезде, но не узнавала. Он тихо жил, и пил тихо, не буянил. Беспокойство от него случилось только один раз, но опасное, чуть трагически не закончившееся.

Рассказываю с чужих слов, обобщаю три рассказа, впрочем они отличались один от другого только междометиями и личными комментариями рассказывающего, которые не всегда уместно воспроизводить в печатном тексте, ну и ситуация того стоила, непечатных слов я имею в виду.

Димка привел к себе подружку, она поставила варить пельмени и они удалились в спальню, делом занялись. Пельмени убежали, залили конфорку, и потек газ.

Подружка освободилась, вспомнила, наконец, про пельмени, побежала на кухню, видит пламя погасло, она и чирк спичкой... Тюха-матюха.

Бог убогим соломку подстилает.

Ничего с ней не случилось, только руки чуть обожгла, да ресницы опалила, когда полыхнуло. Но кухня и комната, пока приехали пожарные, успели выгореть, и в общественный коридор пламя занесло, в результате на их этаже весь потолок лет пять был черным, сколько его ни терла Надежда, соседка Димки. Пора такая была, лихие девяностые, и не до толков было.

Свекровь моя на момент пожара ещё жива была, но уже всё больше лежала, вялая, без всякого интереса к жизни, а тут, когда я открыла дверь и из неё клубы дыма занесло в комнату, а внизу пожарная машина с мигалкой сиреной заливалась, моя свекровь бодренько вскочила, оделась, документы в сумку сложила и сидит, ждет, что будет. Глаза круглые. А я думаю, ничего, далеко, до нас два этажа, затушат.

И затушили. Только в квартирах снизу и сверху стекла вылетели.

Димка после этого случая недолго пожил. Напился как-то пьяный и замерз. За всю ту зиму всего неделя морозная случилась, он в эту неделю и замерз. До 25 лет не дожил, ушел к своему однокласснику и соседу Михаилу.

Сейчас в его квартире большая семья живет. По облику кавказцы. И запахи оттуда пряные, вкусные. Проходишь мимо, слышишь запах и разыгрывается аппетит.

ниже в двухкомнатной квартире, рядом с той, в которой жил Димка, стоит возле общего для наших этажей мусоропровода. Маленькая женщина, сухонькая, беленькая, слегка сморщенная, на сыроежку поклеванную похожая. Не красную, а бурую сыроежку. Выражение лица неопределенно озабоченное. Видно, что тревожится не о чём-нибудь одним, а сразу о многих вещах, и мысли у неё разбегаются, как тараканы, когда свет зажигаешь.

Я поздоровалась, мусор выкинула, о погоде пару слов сказала, она ответила, и слово за слово вдруг исповедь началась, и выходило так, как будто она мои мысли о себе подслушала и отвечает мне, хочет, чтобы я всё правильно понимала.

И полдесятого утра, с пустым мусорным ведром в руках я слушаю, переминаясь с ноги на ногу историю чужой жизни, из которой я только отрывки видела, как в телевидении рекламу фильмов делают, кусочки показывают; вот я такие рекламные кусочки видела, а сейчас всю пленку передо мной Надежда прокручивает, а я слушаю, сочувствую, головой киваю, и думаю о том, что мясо варить я не поставила, и обеда к двум часам у меня сегодня не будет.

Но рассказ тянется и тянется, прыгает с одного на другое, и забыт и суп, и осенний день за окном.

Стыдно мне, что я о таких пустяках, как каждодневная пища, беспокоюсь, когда жизнь наполнена до краев трагедией.

Я уже не здесь, на площадке девятиэтажного дома в благополучный выходной день, похожий на десятки других дней в году, а в поселке и не сейчас, а в конце пятидесятых. Ху-

денькая белобрысая девчонка, какой была тогда, как мне представляется, Сыроежка, окончила десятилетку и мается, не знает, куда ей податься: работы хорошей нет и учиться негде, спасибо, что десятилетка была. В город бы поехать, да в кармане у родителей пусто. Бедность. Поселок небольшой, асфальтированная улица только в центре, и там двух, трехэтажные оштукатуренные дома, а остальная территория поселка застроена деревянными домами с трехскатными крышами, слуховыми оконцами на чердаке и резными наличниками вокруг окон. После дождя непролазная грязь, все удобства во дворе, скотный двор примыкает к жилому, и баня раз в неделю. Кусты сирени под окнами в палисаднике и неизменные розовые ромашки, львиный зев и петунии, и летом сносно, а зимой, долгой бесконечной зимой средней полосы России, тоскливо, холодно и голодно.

К счастью Надиному, или несчастью, в их поселок приехал по делам командированным майор, холостой. Его познакомили с Надей, она ему приглянулась, и хотя старше он был на пятнадцать лет, и не любила Надя его, но ведь нельзя отказаться от своего счастья, хором говорили окружающие, нужно идти под венец. Никто и не сомневался, что выйти замуж за такого человека большая удача.

Началась Надина жизнь в военном городке, в доме с паровым отоплением и керосинкой на общей кухне, и когда рожденный через год, как положено, сын подрос, Надя нашла работу в детском саду завхозом, училась в техникуме и потом,

со временем, поднялась до заведующей детским садом. И облик она приобрела потихоньку типичный для жены майора и работницы детского сада: крашенная блондинка с высокой прической и ярко-красной помадой.

Муж пил, но в меру, и благодаря своей мере по лестнице вверх поднимался, и они уже в Подмоскovie, тоже в коммуналке, а сын Николай после школы в военное училище пошел, после училища на подводной лодке плавал. И не простой, а атомной. Двадцать лет Надиной жизни промелькнули, как один день.

На лодке Коля дозу и схватил. Заболел лучевой болезнью, и пошла его жизнь по госпиталям. Года два болел, и лучше ему стало, но за эти два года мучений нервы его сдали, и начал он по второму кругу лечиться, в психушке. Он то узнает Надю и радуется и говорит разумно, а то глаза дикие и пугается, шарахается от матери, как от врага, дрожит весь.

Надя говорит, смотрит в окно, там солнце выглянуло из-за туч, но Надя рассказывает, и на лице её не отражается, ни трагедия рассказанного, ни радость солнечного выходного дня, ничего не отражается на лице, какая-то застывшая маска, и слова буднично вытекают из неё, капают на пол возле мусоропровода, усыпанный сигаретными окурками.

«Я еду обратно на метро, мне от Кащенко далеко ехать, еду и реву, слезами обливаюсь, и просвета в жизни не вижу. И так день за днем, ещё два года пролетело, и мужа я похоронила, он ведь войну прошел, сказались ранения, а к сыну

в больницу всё ездила и ездила, и не выпускали его, Колю моего, никак не отпускали в обычную жизнь.

Однажды еду в метро, и сквозь стекло на темной стенке туннеля вижу, отчетливо вижу, как живое, мелькает лицо сына за окном вагона, и он зовет меня, криком кричит «мама, мама». Большое такое лицо, во всё темное окно вагона, и кричит громко, но только мне слышно.

Я домой направлялась, в тот день к нему не собиралась, но тут из вагона вышла, спотыкаясь, как в тумане, перешла на другую сторону и в больницу поехала, хоть и знала, что время не приемное, но не могла не поехать, сын меня звал. И трясло меня всю дорогу, но как я из вагона вышла, чтобы на поезд к нему пересесть, он хоть и мерещился мне, но уже не кричал, не звал. Ждал. Но не дождался.

До больницы я добралась к девяти часам и мне сказали, что он покончил с собой, удавился на полотенце. Страхи его мучили, мания преследования, так врачи мне говорили, вот он до того устал от своих страхов, что в отчаянии и покончил с собой и, наверное, перед этим помощи просил у меня, или прощения, я услышала, да помочь не смогла, опоздала я.

Приехала домой, накинула веревку на люстру, сделала петлю, но повеситься не успела. Веревку слишком долго искала, никак найти не могла, это меня и спасло. Если бы сразу нашла, то тогда, соседи мои по коммуналке, Григорий и Лена, опоздали бы, не успели меня из петли вынуть.

Стою на табуретке с петлей на шее и думаю, сын, моло-

дой, ушел из жизни, а я для чего жить буду? Незачем теперь. В этот момент Лена и вошла, узнать, как дела. У нас запросто было, без стука. Царапнешь дверь и всё. Лена вошла, видит, я стою, голова под люстрой, она не поняла, спрашивает:

– Ты что, уборку делаешь?

И вдруг понимает, кидается ко мне, обхватывает ноги и кричит, Гришу зовет.

Сняли меня с табуретки, веревку унесли, спрятали.

Но я всё равно не хотела жить и ещё раз пыталась, и опять меня вытащили, а потом Гриша с Леной стали смену так выбирать, чтобы меня одну не оставлять, и год со мной маялись, и спустя год я смирилась, что мне жить, а сыну лежать на кладбище. Вику, доченьку, я потом родила, для себя.

Надя замолчала, и тишина возникла так же неожиданно, как и разговор-исповедь, вздохнула, открыла крышку мусоропровода и опрокинула туда ведро, которое держала в руках в течение разговора. Высыпала обреченно равнодушно, как только что высыпала передо мной драматические события своей жизни. Повернулась и, даже не кивнув мне на прощание, семенящей озабоченной походкой спустилась вниз. Ушла Сыроежка, унесла свою белокурую крашеную голову в странный, какой-то скачущий, миражный мир, в котором пребывала после всего пережитого. Пребывала, к счастью, не одна, а с любимой дочкой Викторией.

А я стояла, всматривалась в раскрутившуюся передо мной киноленту чужой жизни, много лет идущей бок о бок с моей,

и потом растерянная, поднялась к себе, недоумевая, почему оказалось необходимым рассказать всё это именно сейчас, именно мне?

Часы в прихожей сказали мне, что прошло всего 20 минут, как я вышла из квартиры...

7

Я спускаюсь с седьмого этажа на первый по лестнице – ненавижу лифты. Наверх всё же езжу.

Из года в год, невзирая на то, что меня могут принять за чокнутую оригиналку, я топаю по ступенькам, мешаясь обосновавшейся там молодежи.

Спустившись на один этаж, я каждый раз беспокоила группку подростков-мальчиков и стоящую с ними красивую девочку, а позднее девушку с темными глазами юга и светлой кожей севера. И каждый раз я недоумевала: откуда, каким ветром занесло в лоно светленькой малорослой Надежды семя, из которого выросла такая красивая, крупная, чернобровая Вика, в своей броской красоте так не похожая на свою голубоглазую блеклую мать?

Отца Викиного я никогда не видела, и подобные вопросы неизбежно возникали в моей голове.

Вика темными круглыми глазами напоминала мне дочек моего знакомого из Молдавии, и только по этой причине я придумала Сыроежке роман с молодым парнем-молдаванином, работающим в детском саду временно, на подсобных работах и завязавшего тайный роман с одинокой заведующей детским садом.

Надежда по поводу происхождения Вики молчала, родила для себя и вся информация, и я вольна была заполнять неизвестную мне часть её жизни собственными фантазиями.

Вика скромно опускала глаза долу при виде меня и здоровалась звонким девичьим голоском.

Когда Вика и Надежда были вместе, с первого, даже самого мимолетного взгляда было видно, кто в этой паре главный: кто целует, а кто подставляет щеку. Хлопотливая Надежда, бегущая утром в магазины, оттуда с набитыми сумками, моющая плохо промытую ленивой уборщицей лестничную площадку, в наклон, без швабры, выставив наверх тощий зад, и вступающая в стремительные и судорожные беседы-монологи со случайно подвернувшимися соседями представляла разительный контраст со своей статной, немногословной, двигавшейся с легкой ленцой дочерью. Виктория, избалованная обожавшей её Надеждой, тем не менее, казалось, понимала, что только для матери она является центром вселенной, а остальным до неё и дела нет, и была ровна и приветлива с окружающими, что редко бывает с окру-

женными чрезмерной любовью детьми. Округлые очертания её рано созревшего тела казались тяжеловатыми для юного возраста, но полной она не была.

Забеременела Вика в пятнадцать лет. В июле сходила в поход с парнями из той же школы, где училась сама, а в сентябре шепоток пошел по этажам, что она в положении.

Осенью она носила большое пузо, ходила чуть в раскачку, и хорошенькое детское личико её было бездумно-отрешенным, как это бывает у беременных женщин.

Андрей, виновник её теперешнего состояния, переехал из второго подъезда, где он жил с отцом и матерью, в наш, пятый, и когда ей исполнилось 16 лет, а ему 18, они сходили в ЗАГС и расписались.

Надежда, которая тогда ещё не походила на поклеванную сыроежку, а просто выглядела как увядшая раньше срока женщина, ещё суетливее пробегала мимо, ещё объемнее стали сумки с продуктами, которые она носила домой. Теперь ей приходилось кормить не двоих, а четверых. Она не останавливалась, чтобы перекинуться парой слов с соседками.

Вика прожила с первым мужем меньше двух лет, а потом их скоропалительный ранний брак распался. После развода Вика заметалась в поисках другого. Она оказалась из тех женщин, для которых жизнь начинается тогда, когда они ложатся в постель с мужчиной. Для некоторых женщин такого типа и дневные дела имели значение (вспомним Екатерину вторую), но у Вики, стоило ей оказаться без мужчины, тем-

ный мрак окутывал душу, она впадала в депрессию, плакала, становилась равнодушной к окружающему миру и пребывала в таком состоянии до той поры, пока ей не удавалось кого-то уложить рядом с собой.

Её внешнее спокойствие, мягкость, и красота привлекали вполне порядочных мужчин, и не прошло и года, как она снова была замужем. В этот раз она родила не сразу и разница между сыновьями оказалась пять лет. Оба мальчика были красивы и похожи друг на друга как родные братья. В какой-то момент, заблудившись во времени, я их путала: чужие дети быстро растут.

Второй муж, Юра был тихий очкарик, математик, компьютерщик, они вместе часто гуляли, держась за руки, особенно часто, когда она забеременела, и выглядели нежной, любящей парой. На лице Виктории читалось умиротворение, и казалось, что Вика остановилась в поисках женского счастья. Нашла его. Возможно, на первый момент так оно и было, и они до сих пор состояли бы в браке, но неожиданно у Юры стала развиваться частичная парализация ног от когда-то перенесенной травмы. Медленно, но верно он превращался в инвалида. И Витка загуляла с горя, стала выпивать, а после пьянки, если удавалось, ложиться в постель с другими. Юрий посмотрел, посмотрел на это и ушел к родителям, оставил жену с сыном, не захотел жить наблюдателем за любовными утехами жены, в которых сам принимать участия не мог. А может быть, Вика сама предложила ему уйти,

не знаю. Некоторое время было тихо. Наступила непродолжительная пересменка в Викториных мужчинах.

Две женщины растили двух мальчиков, и в нашем подъезде в очередной раз нарушился баланс взрослых мужчин и женщин. Но ненадолго. Для Вики мужчин в этом мире хватало. Лица третьего мужа я и запомнить не успела, мелькнул и пропал, а потом ещё являлись возлюбленные. Павел нарисовался, когда и младший Викин ходил в школу. Павел был зрелый человек, ушедший из семьи ради Вики. Любил выпить, и пьяный жалел брошенную жену и двух детей, материл последними словами Викторию, из-за которой, как он считал, он столь низко пал, оказался подлецом, презираемым собственными детьми, но не уходил от молодой красивой любовницы.

Может быть, Вика его так приворожила, что он не мог от неё оторваться, или жена, оскорбленная изменой, обратно не принимала, не знаю, но Павел оставался с Викой. Шофер по профессии, он гулял в свои выходные дни, но иногда уходил в долгий запой, и тогда бросал работу. Вику заставлял пить вместе с ним, и она быстро пристрастилась к водке.

Надежда-сыроежка жаловалась мне, рассказывала, что Павел (он фигурировал в её речи исключительно, как «он») напившись и напоив жену, кричал:

– Я погублю тебя, ты сдохнешь от водки!

Работала Вика в центральной поликлинике в регистратуре, по утрам у неё трещала голова с похмелья, и она подолгу копошилась, выискивая карточки больных, но её терпели, зарплата была маленькая, заменить Вику можно было лишь какой-нибудь старушкой, а они тоже не резво крутились.

За разводами и поисками новых мужей и любовников быстро летело время, сыновья Виктории, внуки Надежды, росли, старший заканчивал школу, собирался в армию. Второй сын проявлял большие способности к математике, доставшиеся ему от отца. Собирая по крохам со своей пенсии, Надежда умудрилась накопить достаточную сумму, чтобы купить внуку ноутбук, и горделиво мне об этом рассказывала:

– Он мне сказал: «бабушка, если бы ты только знала, как мне нужен компьютер, и не для игр, для дела». И что мне оставалось? Только собирать по копейке.

Совместная жизнь с Павлом давно перешагнула сроки, которые Вика проводила с предыдущими своими мужчинами. Год шел за годом, а они были вместе, и Павел становился грузнее телом и свирепее характером.

Сыроежку он невзлюбил, выгонял из дому посреди ночи, и Надежда длинными зимними ночами бегала под окнами дома нашего в сапогах на босые ноги, не успевала надеть колготки. Тихо плакала от холода, обиды и сознания собственной беспомощности.

– Соседи всё знают, соврать не дадут, – заключила она свой рассказ. Мы стояли всё на той же промежуточной между этажами площадке у мусоропровода. Надя заново страдала, жалуясь на бесчеловечное отношение зятя, который был никто, и звали его «он», и прописан он не был, а выгонял Надежду из её квартиры. В страдании своем она забыла опрокинуть ящик мусоропровода, оставила его раскрытым и ушла.

Я медленно закрыла крышку и, прислушиваясь к шуму падающих по трубе отходов, вспоминала сказанное ею давно, когда дочка ещё была школьницей: Вику я родила для себя.

Бегающей под окнами я её не встречала, спала, так как

это происходило ночью, но сидящей на ступенях и боящейся идти домой, пока незаконного зятя не смотрит алкоголь и он не уснет, видела часто.

Однажды солнечным зимним днем я увидела её сидящей на ступенях. Потеряла ключи от дома и не могла войти. Сидела, подперев рукой голову, несчастная такая, казалось, что безответная, собравшая в одну жизнь все горести мира.

Как-то я пригласила её к себе, мы пили чай на кухне, и Надежда поведала мне, что к ним завтра придут из социальных служб лишать Викторию родительских прав. Я знала что, теперь, когда старший сын Вики Александр был в армии, Виктория с Павлом совсем сошли с катушек, пили непробудно. Надежда спасалась у соседей, в основном у Натальи, а младший мальчишка был вечно голодный и неухоженный, – что могла бабка на свою пенсию? Да ещё изгнанная из квартиры? А денег не было, Павел перестал работать, и заработков Вики не хватало даже на водку.

Я не поверила, что дело дошло до лишения родительских прав, я никогда не слышала, чтобы Вика обижала, прилюдно шлепала своих мальчиков, или кричала на них, как нередко позволяют себе доведенные до отчаяния шалостями детей эмоциональные российские мамы. Ни разу, за всё время, не слышала, не видела. Правда, их квартира в другой стороне, не под нами находилась, и на таком расстоянии не услышишь. Но из рассказов Надежды вырисовывалась удручающая картина бесконечных пьяных ссор Виктории с сожите-

лем, который отцом ни одному из мальчишек не приходился, и вряд ли они испытывали теплые чувства к нему, скорее наоборот, ненавидели из-за плохого обращения с матерью.

Я пыталась позднее, дня через два выяснить у Натальи, чем закончилось дело с лишением Вики родительских прав, но она рассказывать не захотела, не в духе была, просто махнула рукой, мол, всё пока обошлось. А может быть, это махание рукой означало, что дело выеденного яйца не стоило, не знаю.

У мусоропровода же Сыроежка поведала мне, что после её письма внуку в армию с жалобами на Павла, Сашка пригрозил, что убьет отчима.

– Да, – жалобно тянула Сыроежка, и на сей раз лицо у неё было не равнодушное, а испуганное, – так и написал «если эта скотина будет над тобой издеваться, я его убью».

Мне стало страшно, угроза выглядела реальной: за время службы парень возмужает, ожесточится и не захочет мириться с тем, что над его бабкой, пусть слегка и сумасшедшей, но преданно его любящей, кто-то издевается.

Сашка вырос у меня на глазах, я ещё в колясочку заглядывала, где он лежал: розовенький, здоровый и упитанный младенец, несмотря на то, что его матери было всего шестнадцать, когда она его родила. Подрастая, он бегал во дворе, играл в футбол всё на том же поле, на котором до него гоняли мяч мой сын с товарищами, и ни его настоящий отец Андрей, первый муж Виктории, ни родители Андрея, дед с бабкой,

которые жили в соседнем подъезде и любили своего первого внука, ни беспутная, но мягкая по характеру, добрая по отношению к детям Вика, ни Надежда, пишущая по скудости ума внуку в армию провокационные письма, никто из них не заслужил того, чтобы их сын и внук вырос убийцей. Не говоря уже о самом мальчишке.

Но обошлось. Он вернулся, первое время нигде не работал, радовался жизни и светленькой девочке, которая когда-то играла с моей внучкой, часто подпирала стены лестничной клетки там, где много лет назад любила стоять с парнями Вика. По лицу девочки было видно, что она влюблена, и я думала, ох, если Саша не в отца, а в мать, лучше бы в него не влюбляться. Потом Саша нашел себе работу, посиделки закончились, и когда я вернулась осенью с дачи, на лестничной площадке было пусто. Наверное, Саша ушел жить к деду с бабкой в соседний подъезд. Обошлось, кровопролития не случилось, а сейчас я и Павла не вижу, возле Вики какой-то другой крутится и трогательно целуется с ней, когда она всего лишь выходит добежать до магазина. Легкость, с которой она, всё ещё красивая женщина, подцепляет мужчин, остается неизменной.

Какая-нибудь один раз еле-еле себя пристроит, а тут можно сказать, конвейер, и каждый хочет остаться возле Вики, во всяком случае, по-первости точно хочет, видно, какими глазами весь этот хоровод мужчин на неё смотрит, каждый в свое время.

Наталья встретила меня возле магазина, жалуется:

– Представляешь, мы соседей внизу залили...

Смотрит на меня, видит мое напряженное лицо запинаясь:

– Ну, да ты-то представляешь.

Наталья живет прямо под нами, а кухни у нас такие, что стакан воды прольешь, и полстакана из этой воды на соседей просочится. И первое время, её муж Семён каждый месяц ходил к нам, сердился, скандалил, мы бегали, смотрели трубы, искали течи, которых не было, а было мое ротозейство. Только спустя лет двенадцать, когда мы ремонт делали, муж настелил на кухне линолеум и его края задрал корытцем. После этого протекать перестало. Но, в общем-то, я не об аварийных ситуациях хочу рассказать, а о Натальиной жизни.

Познакомились мы в течение первого же года проживания под одной крышей, всё на той же почве залива. Сначала Наталья мне не показалась красивой: тихая, светленькая, в очках. Тощая, ключицы торчат. Но время шло и голубые разводы постоянного недосыпа сползали с лица Наташи по мере того, как подрастали её мальчишки, и я увидела, что она очень хорошенькая женщина, из тех женщин, чью красоту сразу не заметишь, а, заметив, всё время будешь удивляться, что раньше пропускал.

Муж украинец, Семён, – тот видный мужчина был, волосы

темно-русые и румянец во всю щеку.

Как только мы их заливали, темпераментный Семён приходил к нам и громко возмущался нашим головоуятием, а на другой день Наташа заходила ко мне, извинялась за грубость мужа, а заодно и пятерку, другую перехватывала. Занимала она часто, двое детей с разницей в возрасте 2 года были у них, и пока младший был маленький, Наталья не работала, а на одну зарплату сильно не разбежишься. Занимала часто, и всегда отдавала, но никогда не отдавала вовремя: скажет, принесу послезавтра, а не несет, и ты сиди и думай: а может она забыла? Или решила не возвращать? Я сердилась, а потом привыкла, уже не беспокоилась, что не вернет и только, одалживая деньги, говорила:

– Ты не обещай вернуть завтра, если не можешь, скажи, вернешь в пятницу, только точно скажи, чтобы я рассчитывала (у меня самой далеко не густо было в кармане).

Наталья кивала головой:

– Нет, я верну тебе завтра, мне не надо до пятницы.

И не возвращала.

Лет через пятнадцать я решила, что ей просто хочется, чтобы её не забывали, вспоминали иногда, а как ещё заставить человека помнить о тебе, как не вернуть ему деньги в срок? Самый надежный способ. Рекомендую.

классники, и они придумали игру: прыгали со шкафа на пол. Панельные дома не приспособлены к таким развлечениям, и стук стоял страшный. Наталья приходила за деньгами или возвращала их, вздыхала:

– Зина, я ничего, только боюсь, люстра грохнется...

– А что я могу? Наташа, ну что я могу? Я ведь на работе. Ты приходи, сама их гоняй, не стесняйся, они послушаются.

Наташа не приходила призывать чужих сыновей к порядку: забот со своими двумя хватало. Старший был маленький, очень хорошенький мальчишка с фантастически оттопыренными ушами. Когда Димка пошел в школу, школьники постарше его отловили, окружили, и долго рассматривали:

– Сколько живем на свете, – сказали они ему с высоты своих пятнадцати лет, – такого лопухого первоклассника не видели.

Но обижать не стали, да и нечего там было обижать, 17 кг веса.

Наташа сидела на корточках возле мусоропровода, курила, рассказывала мне о сыне и о том, что сейчас она устроилась работать в физтеховской столовой. Вакансия была в кухне, но её определили на раздачу:

– Нет, женщина с такой внешностью пусть еду подает, студентов радует.

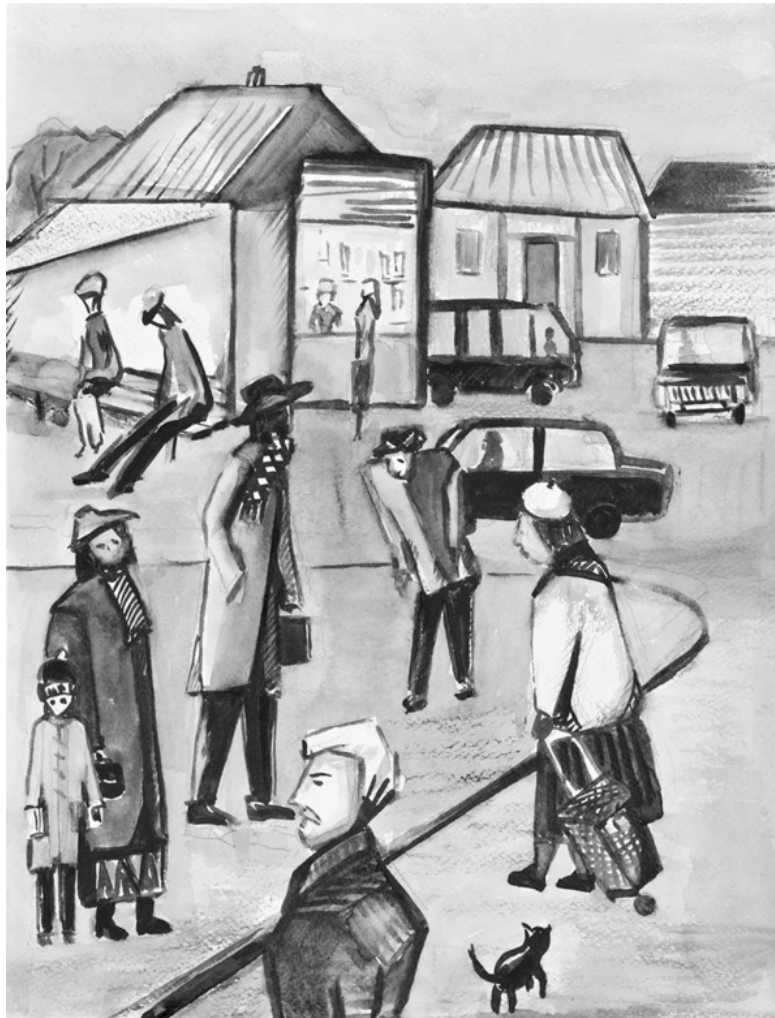
– Студенты со мной заигрывают, – говорит Наташа, забывая стряхивать пепел в банку из-под рыбных консервов, которую держит в руке. – Представляешь, Зина, сколько им

и сколько мне? А сами такие бестолковые, всё время что-нибудь забывают, куда-то спешат...

10

Сумерки наступали на город.

Я стояла на площади возле станции, ждала автобуса. Толпа народа мельтешила вокруг меня, колыхалась плотной волной, готовилась штурмовать транспорт. Напротив нас густо, зад в зад, стояли пустые автобусы, ждущие неизвестно чего, во всяком случае, не пассажиров, пассажиров было навалом. И всё это: и площадь, и люди, и березовый лесок за железнодорожными путями, всё утонуло в серой мягкой вуали сумерек; голоса стали тише, гудки машин и электричек не столь пронзительны. Куриная слепота навалилась где-то за городом на кур, и фонари ещё не зажглись.

Двое стояли на старых путях, идущих вдоль основной железной дороги, стояли, обнявшись, и не выходили на тесноту площади, наблюдали за снующими людьми, и отрешенность и бездомность была в их позах. Я сразу заметила их среди толпы озабоченных всевозможными суетными делами людей. Они были далеко от них, как будто на другой планете.

Фары проходящего автомобиля осветили лица, и я узнала в женщине Наташу. Узнала, удивилась, хотела посмотреть ещё раз, но автомобиль повернул, осветил теперь меня на доли секунды, но этого оказалось достаточно: женщина резко повернулась, сошла на тропку, и пошла назад, в сторону Москвы, на юг, спиной ко мне. Мужчина повернулся вслед за ней, догнал и снова обнял за плечи. Через минуту они растаяли в серых потемках, как будто их никогда и не было.

Человеческий взгляд быстр как молния, я успела не только узнать Наталью, удивиться её здесь присутствию, но и разглядеть, вернее не рассмотреть, а оценить мужчину. Он был немолод, старше Семён, лысоват и некрасив, и остатки его волос успели засветиться рыжим цветом страсти в свете фар проезжавшего автомобиля. Он бережно, как какое-то сокровище, обнимал Наташу, что-то говорил, склоняясь к её лицу, и они исчезли, вдвоем, как мираж, как привидения, пригрезившиеся мне в сумерках города, скрывающиеся под их серым пологом от любопытных чужих глаз.

Я не поддавалась обману исчезающего дня, старающегося убедить, что я грежу наяву, нет, я была уверена в том, что

видела и подумала про себя:

– А повезло тебе, рыжий, ну что она в тебе нашла?

Но я догадывалась, что нашла в нем Наталья. Семён был резковат и упрям, она уставала от жизни с мужем и двумя мальчишками, а бережность, с которой мужчина обнял её, говорила о многом. Всегда нужна какая-то отдушина от серого быта жизни, и для многих женщин – это другой мужчина: рыбалкой и футболом они редко увлекаются.

А Семён увлекался, ездил куда-то на Волгу, ловил рыбу.

11

Этажом ниже, это близко или далеко?

Мы с Наташей не виделись после этой встречи довольно долго, потом пару раз поздоровались на бегу, и когда вновь сошлись поболтать месяца через два, нам обоим удалось сделать вид, что той вечерней встречи не было, впрочем, возможно, Наталья думала, что ей удалось скрыться от моих глаз.

12

Шепоток ползет по нашей деревеньке-подъезду, со ступеньки на ступеньку прыгает, разрастается, кто-то что-то скажет, кто-то умолчит, но обрывки иногда склеиваются, иногда забываются, рассыпавшись.

Да и подъезд всё же не деревня, в деревне жизнь совсем прозрачная: в нужник человек пошел, и то сосед видит.

А в многоквартирном доме двери закрыл и спрятался, за закрытыми дверями происходящее не видно, и лишь тоненький ручеек-шепоток из-под дверей вырывается, и даже если и кричат, то шум слышен, боль в крике слышна, а слов не разобрать.

И вот ручеек достиг ушей моей невестки, и она рассказывает мне историю, а я слушаю её, открыв изумленно рот.

Мария, моя сноха, много гуляет возле дома с коляской, в которой болтыхается её сын, мой беспокойный внук, и общается с женским населением подъезда больше чем я, бегущая утром на работу, вечером к плите и так день за днем. Маша, которая живет здесь без году неделя, знает многих. И она мне рассказала.

Оказывается, Наташа забеременела, а поскольку ей было за сорок, то страшно стеснялась своей беременности, гуляла по ночам, как только стал обрисовываться животик. Мужу сказала, что у неё опухоль и ей назначили операцию, а когда срок пришел, отправилась якобы на операцию, а на самом деле – рожать.

Она не была уверена, что ребенок от мужа, и, родив, решила отказаться от родительских прав, о чём и заявила по-

сле родов.

Наталья была замужем, а в таких случаях при отказе от ребенка необходимо согласие мужа. Женщины из социальной службы пришли к Семёну, принесли бумагу, которую он должен был подписать: отказ от сына. А Семён о новорожденном сыне и знать ничего не знал, и ведать не ведал, и бумагу не подписал, сказал, что в его роду от детей не отказываются.

Спустя неделю Семён забрал из роддома жену с ребенком, которого назвали в честь деда, отца Семёна, Виктором. А какое между ними объяснение произошло, я не знаю, и сколько правды сказала мужу Наталья, тоже не знаю.

Мальчик вырос, и не поведай мне Маша эту подозрительную по своей фантастичности историю, и не наблюдай я тайную прогулку в сумерках вчера, я бы ничего не заметила: младший сын походил на отца нисколько не меньше, чем двое старших, и между братьями, особенно между старшим и младшим наблюдалось большое сходство, только Димкиной лопухости у Вити не было, и шевелюра на солнце отливала медью, да веснушки, щедро раскиданные по лицу были цвета охры, как это бывает у рыжих. Ну да у кого в роду не бывало рыжих?

13

Теперь у Натальи было четверо мужиков в семье.

Старший сын, Димка, тот самый маленький лопухий первоклассник рос очень медленно, и остался небольшим

мужчиной на всю жизнь. Он отслужил в армии, время его службы попало на затишье в стране, войны на тот момент не было, проскочил он в затишье между Афганистаном и Чечнёй, не то, что парнишка из квартиры над нами, но об этом чуть позже. Дмитрий обучился в армии мирной профессии повара, вернулся возмужавший, сильно пополневший и привел в дом к Наташе девушку, на которой позднее женился.

Михаил был на два года моложе брата, он поступил в институт, в армии не служил, женился во время учебы, но с родителями не жил, крутился, снимал квартиру, прирабатывал, на тощий карман папы с мамой не надеялся. Он первый обзавелся потомством, дочкой, и Наташа была счастлива первой внучкой. Наконец, во втором поколении у неё появилась девочка. При встрече рассказывала мне о ней и удивлялась, насколько маленькие девочки отличаются от мальчиков в своем каждодневном поведении.

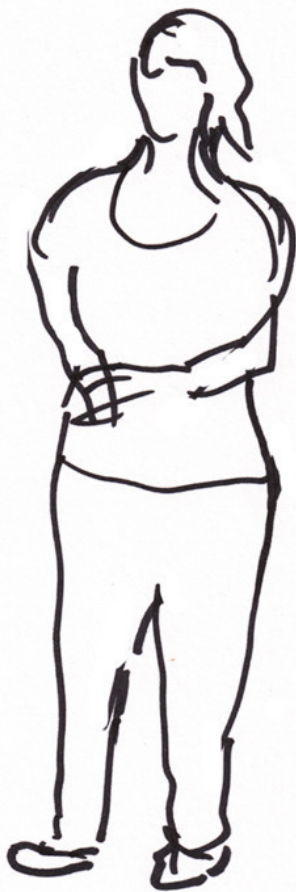
А спустя год и у Димы родился ребенок, сын, молодые жили вместе с родителями, Виктор учился в четвертом классе, отец Наташин, вдовец, перенес инфаркт, и его взяли к себе, и теснились они все на 34 метрах своей трехкомнатной квартирке, совсем как мы на десятилетие раньше. Наташа тащила на себе всю эту кучу народа.

Она уставала, похудела, постарела, но когда Димка с женой поссорились с ней и ушли на съемную квартиру, обиделась, переживала, и всё у того же мусоропровода мы обсуж-

дали вопрос, как ей лучше поступить: ждать, когда они сделают первый шаг к примирению, или самой его сделать?

– Ты обид не выставляй, – советовала я ей, как старшая и умудренная жизнью женщина, – но и не навязывайся. Ну, куда они денутся? Всё равно придут. Ты не такая мать, с которой ссорятся на всю жизнь. Они сами пойдут навстречу, а ты про старые обиды не вспоминай, но сейчас потерпи, выдержи характер.

Убеждала я её проявить характер, и думала: какие же мы умные, когда нужно кому-то дать совет. А где бывают наши мозги, когда с нами всё такое же происходит, как мы мучаемся от обид, которые наносят нам любимые детки? Особенно, когда вырастут?

Вскоре они помирились, стал слышен внизу топоток маленьких ножек, а кто сделал первый шаг, не знаю.

Пока старший ссорился и мирился с матерью, Михаил закончил институт, устроился на фирму, где его ценили, и не прошло и четырех лет, как открыл свой небольшой бизнес и купил квартиру.

14

Наташа, мать бизнесмена, сидит на корточках возле мусоропровода, всё в той же позе, как и двадцать пять лет назад сидела, рассказывая мне о проделках сыновей в школе, а я стою рядом, подпираю стенку – магазин, куда я направляла стопы, подождет, поговорить надо, с соседкой пообщаться. Тема всё та же – сыновья, теперь взрослые:

– Мишка мне говорит: «Утром проснусь, и сразу мама, день свой выстраиваю, до самого вечера у меня ни минуты свободной нет, и я не представляю себе каждый раз, как я это всё успею. Устаю от этой круговерти, но и без неё уже не могу».

– А Димка придет ко мне, сидит за столом, шурится на солнце, улыбается: «Сегодня не моя смена, (он в ресторане поваром работает), можно отдохнуть, ни о чём не думать, расслабиться. Утром, мама, проснулся, глаза открыл, солнце светит, синицы за окном свистят, и так мне хорошо, радостно, жить на свете, никуда не хочется бежать, суетиться. Лежу

в тепле, мечтаю».

– Старшая невестка, Димкина жена, сердится на него, со мной откровенна: «Не знаю, Наталья Александровна, сколько ещё я с вашим сыном проживу, на сколько моего терпения хватит. Сами поймите, как жить с человеком, который всем доволен, а на самом деле у него ничего нет?»

– И в кого они у меня такие разные?

Наталья рассказала мне о своих сыновьях, и мы расстаемся: я иду в магазин, она на работу.

Я иду, думаю о Мише с Димкой, о том, что в молодости вопрос, какой образ жизни выбрать для меня не стоял, я была как заводная, тоже, как Миша, просчитывала день от начала до конца, а сейчас я совсем не так уверена, что жить в напряжении, это правильно; может быть, правильное ценить счастье каждого выпавшего на твою долю дня жизни?

15

Прямо под нами на первом этаже живет семья Евгении. Она сама, дочка и маленький сын. Разница между детьми лет десять.

Баба она крутая, выщипанные дугой брови всегда грозно сдвинуты, приветливостью не отличается, может пройти и не поздороваться. Женщина настроения, решительная в действиях и поступках. Как-то на случайную прохожую возле подъезда напала овчарка, повалила, рычит над ней, того и гляди загрызёт. Женя увидела из окон это, выскочила

и прогнала собаку.

Я спрашиваю:

– Как же ты не испугалась?

– А что её пугаться? Собака и есть собака. Прогнала и всё.

Поразвели собак, стрелять их надо.

Имелись в виду не сами собаки, а их хозяева, которые завести заведут, а не смотрят за животным, хотя, возможно, это я так поняла, а Евгения имела в виду отстрел и тех и других.

В палисаднике под своими окнами Женя высадила цветы, по периметру посадила колючие кусты, чтобы никто под окнами не шнырял, а пока кусты не выросли, достала где-то колючую проволоку, и окрутила свой палисадник со всех сторон. Ребенок упадет случайно – обдерётся. Я мимо каждый день хожу, отворачиваюсь от колючек с отвращением, думаю: вот народ! Сами себе зону создают, мало им зон государственных.

Жениному примеру никто не последовал, и колючей проволоки с парадной части нашего дома больше нигде не было, а вот со стороны сада, где огороды развели, когда Горбачев продовольственную программу объявил, там много накрутили.

Евгения всю жизнь проработала крановщицей, профессия мужская, рабочая, под стать её суровому нраву. Мужа её я не помню. Пока привыкала, приглядывалась к новым лицам после переезда, он испарился. Но видимо, существовал,

трехкомнатные квартиры давали на четверых, да и сынишка был маленький. Как ни крута была Евгения, всё же для воспроизводства и ей был необходим мужчина. Не похоже было, что она очень об отсутствующем горевала. С мальчиком, как он подрос, на проезжей части возле подъезда в футбол играла, радовала ребенка, компенсировала ему отсутствие отца. Мячик часто к колючей проволоке подкатывался, и она аккуратно его вытаскивала, а когда кусты подросли, сама их стригла огромными садовыми ножницами.

Недавно, года два назад, подступились к её кустам таджики с ножницами, только нацелились стричь, как она тут как тут, прогнала их, хотя их было трое и на подмогу они ещё четвертого, русского подозвали, но не помогло, не допустила она их до своих кустов.

Старшая дочь выросла и, кажется, побывала замужем, мелькал какой-то мужчина, курил вместе с ней у батареи парового отопления, но вскоре исчез. Одна она там стоит, дымит.

Не приживались в той квартире мужики, только сын, не женатый, так и баба чужая там навряд ли приживется.

Лак у нас на паркетных плитах облез, и мы вызвали мастеров полы ошкурить и лаком покрыть. Для их машинки требовалось 380 вольт, такие розетки есть на каждом этаже, но только на первом они оказались доступны, остальные

были закрыты. Внизу мастера и включились, и удлинители до нашего этажа протащили.

Не прошло и полчаса от начала работы, звонок в двери: заявилась ко мне делегация с первого этажа: Зина, из квартиры возле лифта слева, рядом с которой розетка оказалась открытой и Евгения. Пришли выяснять, как я собираюсь платить за электричество, и накрутят ли их счетчики лишнего. Верховодила, конечно, Евгения. Брови сдвинула, недовольна, а Зина как-то сконфужено выглядела.

Я говорю:

– Это другая фаза, счетчики наши на 220 вольт, а здесь большое напряжение, рабочее.

Евгения, которая всё на свете знает, мне говорит:

– Ты не имела права так подключаться. Должна была в ЖКО сходить, разрешение получить, и оплатить.

– Может быть и должна, да вот не сходила и не пойду. Мне на час работы, а я буду там пороги обивать, унижаться, пока получу это самое разрешение. А если ты о ЖКО заботишься, которое нас обирает почём зря, так сама туда сходи, доложи, что я здесь электроэнергию ворую, прояви бдительность, глядишь, меня и оштрафуют.

Зина говорит:

– Ты точно знаешь, что мне не накрутит?

– Да точно, говорю, точно, не веришь спр – оси у мужа.

И я знаю, и он, мы же с ним один институт заканчивали.

– Я тоже много чего знаю, – встревает Евгения, чувствуя,

что Зина, тетка моя, успокоилась, а я машу перед ними своим образованием, как красной тряпкой перед быком.— Я двадцать лет крановщицей проработала.

Я молчу, не отвечаю, думаю: ты всю жизнь крановщицей работала, а я теперь должна из-за этого в ЖКО бежать? И только потому, что мне счастье привалило в виде соседки-крановщицы? Я, конечно, уважаю Женю-героиню, отгнавшую собаку и тем спасшую женщину, но поступать по её указке не собираюсь, будь она хоть трижды права.

Пока мы спорили, мастера комнату отшлифовали, позвали меня, чтобы я работу принимала. Я и удалилась, посчитав разговор законченным. Комната всего 14 кв метров была, меньше чем за час управились.

А Евгения в ЖКО не пошла, далеко показалось тащиться, а может быть, устыдила я её, или миролюбивая Зинаида отговорила.

17

Белая, как лунь, прямая как тополь женщина приглашает меня к себе в квартиру, ей хочется пообщаться. И выйдя из лифта, я поворачиваю не направо к себе, а налево, в двухкомнатную квартиру на нашем же этаже и попадаю в сказочное царство рукоделия. Всё сделано руками Галины и не верится, что в человеке может быть столько терпения.

— А что, — говорит мне Галина, — раньше свой дом, сад, огород, и то я вязала, а теперь мне и совсем делать нечего,

только обед приготовить на двоих, и ужин на троих к Татьянинному приходу.

Я хожу, разглядываю вышитые подушки, вязаные покрывала и скатерти, салфетки под горшочками с цветами. Чисто, опрятно, красиво. Не так выглядит наша загруженная игрушками, книжками и шмотками квартира, в которой я делаю уборку только по субботам.

Здесь живут две женщины и девочка: Галина, её дочка Татьяна, и внучка, дочь старшей дочери Света. Родители девочки уехали на три года в Египет на заработки. Такая поездка по тем временам была большой удачей: за границей заработки были выше и выбор шмоток тоже, можно было запастись ими на много лет, потом носить и прилично выглядеть, если, конечно, очень за модой не гоняться. И Галинины дочь с зятем уехали, не захотели упускать такой случай, а дочку оставили с бабушкой и теткой.

Татьяна утром убежит на работу, она в Шереметьеве работала, Светочка в школу, а Галина полдня одна, сидит и вяжет. Крючком и на спицах. Крючком для украшения квартиры, а на спицах домочадцам своим вывязывала носки и варежки, шарфы и шапочки, свитера замысловатых узоров, рукав реглан и вшивной, и целая стопка книжек с описанием узоров всегда была у неё под рукой.

Муж Галины, отец её взрослых сейчас дочерей, а тогда совсем маленьких девочек, ушел на фронт в 43 году. Он на ДМЗ (Долгопрудненский машиностроительный завод) работал, бронь имел, мог бы и не воевать, но голодно ему было, не хватало еды по карточкам, и через два года такой тыловой жизни, когда работа на износ, а жратвы – только на печке лежать, он отправился в военкомат, сказав жене, «на фронте всё же лучше кормят».

Кормить, может, и кормят, но и убивают – и он не вернулся. В конце 44-го, когда до конца войны всего ничего оставалось, пришла похоронка. Галина одна девочек поднимала, трудно пришлось, и заработала она порок сердца. Последние годы он её мучил, приступы были частыми: выглянешь в окно, а там рафик скорой помощи стоит, и опять Галину осторожно под руки выводят, в машину усаживают. Увезут, подлечат и обратно привозят. А один раз унесли на носилках и не привезли, скончалась Галина от инфаркта. Лет ей было немного, семидесяти точно не было. К тому времени дочь старшая уже вернулась из Египта, Света с родителями жила, и когда мать умерла, Таня одна осталась. Работала, каждый день ездила в Шереметьево, а замуж так и не вышла. А я после смерти Галины часто думала про Таню: одна осталась, может быть, кого-то ещё найдет. Но не случилось.

Таня хорошенькая, симпатичная женщина, только ростом невысокая, маленькая, вот её и не увидел никто, а те, кто увидел, не прижились. А следовало увидеть. Из хозяйствен-

ной Тани хорошая получилась бы жена и любящая мать.

Таня встречает меня с внуками в лифте, и пока мы поднимаемся, всё заговаривает с ними, любитесь на них и шутит, подмигивая мне. Через несколько минут после того, как разойдемся по квартирам, слышу звонок в дверь – это Таня несет что-нибудь вкусненькое угостить деток. Так она называет моих довольно таки разбойных внуков-мальчишек и красивых, но вреднючих девчонок: детки. И несет, что у неё на текущий момент есть: шоколадку или сникерс, или яблочко.

А когда собака у нас жила, Таня ей косточки приносила, и я всё думала про себя, всё тянула грустную мысль: ей бы семью, чтобы было о ком заботиться. Но вот только за матерью и пришлось ей ухаживать, а больше не за кем, хотя племянников внучатых, Светиных детей, она нянчила, как ни встретишь её, она к сестре идет, племяннице помочь.

Сейчас на пенсии, крутится, сводит как-то концы с концами: столкнешься с ней у подъезда, всегда скажет, где и что ей удалось купить подешевле, чтобы и я не тратилась, сходила бы туда же и тоже сэкономила. Нарядная, аккуратная, платочек шёлковый на шею повязан, а экономить каждую копейку приходится.

Но я, как дети выросли, живу спустя рукава, не экономлю, устала я за сорок пять лет семейной жизни копейку считать: на еду нам с мужем хватает, а что ещё надо? Нарядаться уже не хочется.

Утром лестница была пустой, а вечером сторонятся меня, давая пройти три разномастные и разновозрастные женщины. Наташа и Томка сидят на корточках, пускают дым, как попало, а третья, её я не знаю и так и не успею узнать, стоит у окошка, дым аккуратно колечками пускает.

У Томки вдоль спины струится длинная темная коса, анахронизм по теперешним временам, а вот то, что она курит в свои пятнадцать лет, делает её ультрасовременной.

У Натальи лицо усталое, наверное, драила чужую квартиру всё утро, теперь она зарабатывает на жизнь уборкой квартир, работа тяжелая, зато не от звонка до звонка: помыл, и остальной день весь твой.

Седина в светлых волосах Наташи чуть пробивается, сразу не разглядишь, но видно, что Наталья уже на закате женской привлекательности, трижды бабушка, у Мишки второй сын родился, Тома в самом начале, только-только округлилась, а третья женщина в ярком алом халате, чуть выпячивая нижнюю губу пускающая дым в потолок, она в середине пути, в полном расцвете сил. Выражение лица у всех троих, несмотря на разницу в возрасте, совершенно одинаковое, откровенно равнодушное, каждая внутри себя, в минуты полного расслабления.

Я проскальзываю мимо, женщины показывают, что они не совсем отрешились, отвлекаются, здороваются со мной.

Красный халат незнакомки контрастирует с зелеными, недавно выкрашенными стенами лестницы и трубой мусоропровода, ящик которого покрыт темно бордовой краской. Бежевая жизнь сменилась на зеленую. Свежая краска покрыла годами копившиеся надписи на стенах – целая эпоха ушла. На стенах между шестым и седьмым этажами последние два года тусовались многочисленные персонажи детских

мультиков, нарисованные трудолюбивой Томкой в те времена, когда она ещё не курила, не входила со своей сигаретой в сложный мир взрослых, а пыталась укрыться от проблем не слишком веселой своей детской жизни, разрисовывая стены любимыми персонажами мультиков. В основном, она рисовала персонажи американских анимационных фильмов: их легче рисовать, они очень четкие, упрощенные и врезаются в память.

Долгое время эти хомяки, утки, свинки и прочие, воспроизведенные исключительно по памяти и очень точно, резвились на лестничном пролете нашего подъезда между площадкой мусоропровода и площадкой лифта на седьмом этаже.

Даже совсем не понимающему человеку ясно было, что на лицо талант, и следует учить Тамару основам изобразительного искусства, но матери развивать Томкины способности не приходило в голову, не до талантов дочери ей было. Это была высокая, красивая женщина, но разрушительное влияние алкоголя уже явственно проступало на лице.

Светлана входила в лифт, высокомерно отвечала, прищуривая глаза, если с ней здоровались, всем своим обликом говорила: я знаю, что вы обо мне думаете, но мне плевать. Темные глаза слегка косили в стороны, красная помада пунцове-ла на губах. И мне становилось страшно за девчонку, кареглазую Томку с длинной косой, тянущую свою детскую ещё жизнь с пьющей матерью.

В отличие от Димкиной матери, Светлана никогда не ора- ла, не скандалила с окружающими, а в гордом одиночестве безмужней молодой женщины стремительно катилась по на- клонной плоскости всё ниже и ниже.

Как-то раз Тамара курила одна, и я с ней разговорилась. Мне понравилось, как разумно отвечала девочка, как улыба- лась, спокойно и приветливо.

– А девочка-то ничего выросла, – сказала я Наташе при встрече. – Хорошая.

– Прекрасная девочка, – согласилась Наталья, – просто на удивление, учитывая всякие обстоятельства.

Обстоятельства, нам обоим известные, мы уточнять не стали.

Года два эта компашка из трех женщин курила на площад- ке у мусоропровода, а потом её вытеснили молодые парни с шестого этажа, приходившие к Викиным сыновьям и Вик- тору, Натальиному младшему.

Спустя пару лет я поднималась вечером в лифте вместе с Томкой и расспросила её, что она делает, как поживает. Она училась в колледже на повара, скоро должна была за- кончить, начать работу. Уже проходила практику в рестора- не, ей нравилось.

А кто была та загадочная женщина в красном халате? На- до бы у Натальи спросить.

Пока Сашка, Викин старший, не ушел в армию, темной стеной стояли его дружки возле мусоропровода: не протиснуться и, главное, в отличие от аккуратных женщин, всю лестницу пеплом засыпали. Таня страшно сердилась на них, но не умела проявить агрессивность и выгнать или хотя бы призвать к порядку, как это делала Любовь Ивановна, бывшая соседка напротив, за что в свое время и пострадала. Таня же тихо, шу-шу, жаловалась мне, высказывалась, что она по этому поводу думает, но я отмалчивалась: грязь на площадке мне не нравилась, но парням был срок в армию идти, и что их там ждало, неизвестно, так что пепел на полу выглядел на фоне их будущего мелочью, делом житейским.

20

В трудную для себя минуту познакомилась я с Валею. Мама лежала с инсультом, и приглашенный мною врач неврохирург назначил лечение, капельницы в вену.

Я пошла вниз к Наташе, а не рядом к Лене. Наташа человек общительный, а Лена вроде меня, и за информацией я спускалась вниз, а не звонила направо.

– Не знаешь, кто у нас медсестра?

Наташа в курсе моих семейных обстоятельств, она сочувствует моей маме. Они дружили, и Наташа делала ей массаж, днем, когда я бывала на работе, лечила её остеохондроз, мягкий массаж делала, и маме было лучше. Во всяком случае, её утешали знаки внимания.

– Зина, с первого этажа, она же медсестра, ну та квартира, что возле лифта слева, – говорит мне Наталья.

Я давно знаю Зину, мы здороваемся и перебрасываемся парой слов уже много лет, но что она по профессии медсестра, я не знала. Иду к своей теще, звоню Зине, объясняю, что мне нужно капельницу поставить. Зина мне отказывает:

– Я этим не занимаюсь, – говорит она.– Капельницы Валя ставит, поднимись наверх, на девятый, она там живет, квартира, как наша. Да ты её знаешь, наверное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.